

тот 5-й г. будет решительным и последним в борьбе а наше правое национальное казачье дело.

Во что бы то ни стало мы должны достигнуть нашей цели какой угодно ценой — жить или умереть.

Дорогие друзья! Кто носит имя казака, тот должен вободно сказать: да здравствует свободная Казакция.

В. К. И. О-ов.

От ред. Письмо это подписано полным именем, но ред. из осторожности не помещает его целиком.

О советской калмыцкой газете.

Трудно нам, эмигрантам, регулярно пользоваться советскими газетами (дорого!), но еще труднее регулярно получать советские провинциальные, скажем, калмыцкие газеты. Это — почти невозможная вещь, нельзя достать. В бытность свою в Праге, как и в Париже, много раз я пыгался доставать калмыцкие советские газеты через книжные магазины, но все тщетно. Наконец, только недавно мне удалось устроить регулярную посылку калмыцкой газеты „Тангчин Зянги“.

По понятным причинам, мы ко всякому слову исходящему „оттуда“, относимся с большим интересом. Не удивительно поэтому, когда я, получив первую пачку этой газеты, шел домой чуть ли не бегом, чтобы скорее прочитать калмыцкую газету. Все же, думалось, это — калмыцкая газета, а в каждом печатном органе должны же отразиться основные черты народной жизни. И, вправду, эти черты жизни отражены, но какая это жизнь!

а) Игра в „реформы“.

Первоначально эта газета издавалась на старом калмыцком языке, т. е. в ней писали старым калмыцким письмом — Зая-пандинговский алфавит. Против этого алфавита, за его замену более „усовершенствованным“ (ввиду „трудности“ писать и читать!) высказывались некоторые и раньше, до большевиков. Рядом с этим алфавитом тогда и т. н. русская академическая транскрипция, установленная русскими монголо-калмыковедами. Но большевики, любители „упрощения“, отказались и от старого калмыцкого родного письма и от „академической транскрипции“, и выдумали новое калмыцкое письмо в виде новой „усовершенствованной“ русской транскрипции. На этой новой, значительно коверкавшей язык, транскрипции стали издавать всю свою советско-калмыцкую литературу. Об этой транскрипции я в свое время высказывался.

Теперь большевики, отдавая, очевидно, дань модному течению — „латинизации“, произвели новую „реформу“, отказались от своего же вновь выдуманного „калмыцкого“ письма, и приспособили к калмыцкому языку латинский шрифт, вернее, смешанный латинско-русский алфавит, ибо для нового „калмыцкого“ письма из русского алфавита взяты, например, такие знаки, как „х“, „ь“, „ё“, „э“. В результате — получилась невероятнейшая смесь.

„Реформаторы“ „регульнули“ и самый калмыцкий язык. В калмыцком языке, например, избыточны т. н. полугласные звуки, без чего почти нет ни одного слова. Теперь этой новой „реформой“ все эти полугласные звуки совершенно изгнаны. Теперь, например, слово Энэ пишут en, уту — ut, икэ — ik, ирвэ — irv, эсэ — es, эгэ — neg, унэ — unp, бичел уга — biclgo и т. д. и т. п.

Можно легко себе представить, как этим варварски искажается сам язык! Само собой разумеется, что реальные „реформаторы“ совершенно изгнали т. н. „гармонию гласных“, игравшую в калмыцком языке важнейшую роль и пишут теперь, как Бог, то бишь Ленин, на душу положит. В этом отношении царит полнейшая неразбериха — одно слово пишется так, а через несколько строк — совсем иначе.

Таково письмо газеты. Но не лучше обстоит дело и с калмыцким языком газеты. Это — поистине какая-то невероятная смесь тамбовского с калмыцким!

б) О любви к „ударничеству“ и „доносу“.

Как и всякая советская газета, страницы этой „калмыцкой“ газеты пестрят именами Карла Маркса, Ленина и Сталина. Чуть ли самый обыкновеннейший донос обосновывается авторитетами этих „вождей“.

Как и во всем СССР, и у калмыков все делается в „ударном порядке“. Страницы газеты так и пестрят „все должно быть сделано!“, „вызываю“ того-то и того-то! Все эти воззвания и призывы выполнить в срок партийные и прочие „задания“ проходят под знаком приближающегося „юбилея“. Все должно быть выполнено ко дню 10-й годовщины возникновения „Калмыцкой Автономной Области“!

А как все эти „ударные задания“ выполняются населением, показывает сама же газета. Например, по сбору „внутреннего денежного налога“ отличился Приволжский округ, выполнивший „задание“ на 36,5%⁰, что наглядно представлено в виде быстро мчащегося экспресса, а Приморский округ выполнил „задание“ всего на 8,9%⁰, что представлено в виде черепахи.

Если тридцатипроцентное выполнение „задания“ представляется им в виде поезда-экспресса, то легко себе представить, как население относится к этим „заданиям“, какие результаты имеют все эти истощающие крики!

Но самое интересное, это — последние страницы газеты, которые дают нам полное представление о той политической атмосфере, в которой живут наши братья „там“. Это — атмосфера безудержного доноса, шпионажа, сыска. Нет почти ни одной газеты, где не было бы этих доносов!

Например, сотрудник газеты Шенг доносит, что некий Надвид скрывает у себя скот „кулака“ Бадмин Кеке, что этот злостастный Надвид только в 1921 году вернулся от „белых“, а потому его надо убить!

Другой кор. Алг. Шаджа, сообщает о каком то Чанин Байн, который ведет агитацию против колхозов, который говорит, что „лучше весь скот свой зарежу, мясо посолю, чем отдавать свой скот в колхоз“, поэтому: „надо его послать вслед за белыми“!

Третий кор., Медэак Кун, пишет, что „некий гелюн Бяда, ложно отказавшись от духовного сана, проник в колхоз, усердно работает, а вместе и народ мутит“, а потому „надо его убить из среды бедняков“.

Четвертый кор., Батрак, доносит, что некий „Санджин Эрдне имеет дело с гелюнами, настроивает темный народ против колхозов“, а потому „его надо изгнать“. И все эти доносы только в одном номере газеты (№ 95-411).

Некий Сас умоляет властей об „изъятии из среды рабочего класса“ сразу трех „преступников“ — Ходжра Церен'а, Ходжра Тува и Ивана Джала, которые сейчас состоят в Кетчинюр-Шевнирском колхозе. „Преступление“ их: у Ходжра Церена — „родители были богатые“, Ходжра Тува — „до 1919 года имел свой табун“, Ивана Джал — „до 1918 года имел двух работников“! (№ 101-417).

Один кор. газеты пишет о „примерном наказании и изгнании милиционера Цевя Тамыш, который поддерживает „кулака“. В чем выразилась „поддержка“ этого милиционера? Оказывается, он спрятал у себя от фининспекторов запас хлеба этого злостастного „кулака“, а затем скрыл от сельсовета единственную корову этого несчастного „кулака“!

Таковы литературные упражнения советских калмыцких журналистов, свидетельствующие о безвыходном положении „кулаков“ к которым причисляют человека, имеющего только одну корову!

Чтение этой „калмыцкой“ газеты доставляет сильную боль.

Все же ее надо читать, чтобы знать, что „там“ делается. Чтение этой газеты способно у многих убить охоту ехать „домой“. Сообщения этой газеты совершенно противоречат тем сведениям, какие сообщает уехавший в прошлом году отсюда и ныне живущий в Ленинграде студент-калмык в своих письмах калмыкам-эмигрантам, зовя их скорее возвращаться в СССР.

После прочтения этой газеты становится понятным — почему этот студент не поехал в Калмыцкую Область, ибо там о нем сейчас же посыпались бы доносы и ему невозможно было бы жить!

Шамба Балинов.

Розыски.

Казак Дм. Мих. Киндеев ищет своего станичника Герасима Прох. Беседина (ст. Темнолесской). Писать по адресу: M-eur D. Kindeeff, Kato-Lehonia, Volo, Grèce.

Обращаем внимание подписчиков на новые условия подписки на журнал „В.К.“ на 1932 год, напечатанные на последней странице обложки.

По просьбе казаков из Болгарии, в виду тяжелого положения там эмиграции, подписная плата в Болгарии немного снижена.